

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

Вишневская Лилия Алексеевна
доктор искусствоведения
профессор кафедры теории музыки и композиции
Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова
liliya-vishnevskaya@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ И ФУНКЦИЯХ
БУРДОННОЙ ВОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Размышления большинства исследователей о ранних формах многоголосия представляют единодушие в характеристике его структуры: «Поразительно, что во всех... областях, изолированных и географически отдалённых, обнаруживаются общие принципы многоголосия» [3, 12]. Универсальным типом признаётся, *a priori*, бурдонное многоголосие, принадлежащее культуре всего человечества. По мнению В. Виноградова, самые прочные позиции в структуре раннего многоголосия занимает бурдон. Он имеет глубокие исторические корни и является совершенно необходимым элементом восточного инструментального исполнительства в музыке турок, иранцев, азербайджанцев, афганцев, пакистанцев, индийцев, вьетнамцев, китайцев, казахов, среднеазиатских народов и тюрков Сибири [2, 108–109].

В музыке указанных народов бурдон уподобляется органному пункту, на непрерывной звучности которого проступает рельеф и выразительность мелодики. Как родовой признак раннего многоголосия, бурдон осмысливается

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

исследователями в качестве артефакта сходных процессов формирования и эволюции звуковысотных систем разных народов, способствует раскрытию природных акустических и физиологических основ музыкальной материи, являющихся «общими для всего искусства и предшествующими этническим различиям» [3, 12].

Бурдонное вокальное многоголосие – древняя форма песнопений, сохраняющаяся в регионах «закрытого» типа по своему географическому, ландшафтному и культурно-общественному устройству: «Хорошо известно, что более архаичные явления, как правило, распространены многочисленными изолированными друг от друга «островками», притом в географически изолированных и труднодоступных регионах» [4, 231]. Одним из таких выступает Северный Кавказ: полиэтничный регион, культурная целостность которого сложилась в результате многовекового исторического соседства и взаимодействия разных народов. Стереотипы общественного устройства, сходство исторических судеб и культурных традиций составили ядро тех комплементарных отношений, которые определили безальтернативность иного сосуществования в новое и новейшее время истории народов Северного Кавказа.

Ярким подтверждением музыкально-культурной целостности северокавказского региона выступила бурдонная певческая традиция. Её высокий онтологический статус и функциональная множественность дали основу для формирования единого слухового «образа мира» адыгов, абхазов и абазин, карачаевцев, балкарцев и осетин, выразили сущность исторического бытия и духовного своеобразия народов. Исторически сложившаяся целостность художественной культуры полиэтничного северокавказского региона базируется на индивидуально-этническом выражении общекультурных норм и ценностей, обусловленном разными этногенезом и языком, конфессиональной принадлежностью и типом хозяйствования. Индивидуальное

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

воплощение получила и бурдонная вокальная традиция: обнаруживающая сходство древних корней происхождения и, одновременно, этнически и субэтнически особенное «прочтение» всех составляющих его компонентов.

Эти обстоятельства функционирования северокавказской певческой культуры выявляются в процессе системно-сравнительного изучения бурдонного вокального многоголосия на примере традиционных песнопений адыгов, карачаевцев и балкарцев – народов, составивших две разноязычные суперэтнические группы и компактно проживающих на территории нескольких республик Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея). Исследование типологических закономерностей на примере нескольких традиций даёт понимание объективно-глубинных причин стилового сходства северокавказского песенного многоголосия. Б. Путилов пишет: «О чём свидетельствуют факты повторяемости, ... однородности, в ряде случаев совпадений в международных масштабах? ... Во-первых, это свидетельство того, что действуют какие-то закономерности. Это не может быть результатом случайности. За этим стоят определённые закономерности, причём закономерности внутреннего, ... фольклорного порядка, которые, разумеется, повязаны с внешними обстоятельствами, с историческими судьбами народов, с их этнографией, культурой и т.д... Наличие таких фондов – параллельных, близких, совпадающих – служит одним из самых важных доказательств того, что эти фонды складывались независимо. Не путём заимствования, а путём независимых внутрифольклорных процессов, потому что представить себе, будто такая колоссальная близость, такое колоссальное наличие параллельных, сходных фондов у народов, как соседних, так и очень отдалённых, разговаривающих на разных языках, живших даже иногда в разные эпохи, представить, что это всё результат заимствования, результат миграций – совершенно невозможно... Речь о заимствовании должна уступить место проблеме типологических закономерностей» [5, 278].

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

Системно-типологическое изучение северокавказского бурдонного многоголосия вскрывает объективно-глубинные истоки музыкально-стилевого родства северокавказской вокальной полифонии разных этнических традиций. Несмотря на языковые различия, культура адыгов, карачаевцев и балкарцев функционировала в контексте исторической и региональной целостности. Она сложилась на базе местных субстратов северокавказской культуры, а также на базе многих сходных институтов и традиций, в числе которых и древняя традиция бурдонного вокального интонирования.

В этом плане, внешне сходное многоголосие некоторых других кавказских народов (Южная Осетия, Абхазия, Восточная Грузия) примыкает, на наш взгляд, к закавказской (грузинской) традиции бурдонного пения. Её характерными отличиями являются тенденция к трёх-четырёхголосию, усиление принципов контрастной полифонии, напоминающая грузинское пение «криманчули», мелодическая орнаментика в напеве солиста, усиленная роль гармонических принципов организации многоголосия. Причинами подобного сближения также выступают территориальный фактор, конфессиональная принадлежность народов (например, христианство осетин и грузин). Впрочем, подобная точка зрения нуждается в специальном исследовании, которое, в будущем, могло бы дать фундаментальные основы для изучения истории, теории и типологии кавказского многоголосия.

Привлечение в качестве музыкального материала традиционного вокального многоголосия адыгов, карачаевцев и балкарцев даёт возможность охватить структурное и содержательное разнообразие форм северокавказского бурдонного многоголосия, позволяет осмыслить бурдонный тип традиционных песнопений в качестве артефакта северокавказской музыкальной истории, раскрывающего интегративную сущность культурных взаимосвязей разноязычных народов.

Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях бурдонной вокальной традиции в северокавказской музыкальной культуре

Музыкальная культура адыгов, карачаевцев и балкарцев вмещает инструментальное, танцевальное и песенное исполнительство, корнями уходящее в глубокую древность. Некогда связанная в триединую систему песня-пляска-наигрыш, традиционная музыка этих народов претерпела значительные обновления в XX веке. Песня, которая «давала подлинное отношение к действительности», стала неудобна в советское время «господствующей идеологии, и песню направили по другому руслу, сконцентрированному в соответствии с официальными рекомендациями» [6, 12]. В результате воздействия новых политических, социально-экономических условий жизни произошло смещение «модели национальной музыкальной культуры с песенной на инструментальную» [6, 12]. Доминирующую роль в современной музыкальной культуре адыгов, карачаевцев и балкарцев приобретает инструментально-танцевальное музицирование, пик популярности которого совпадает с созданием официальных инструментально-танцевальных коллективов и их выступлениями – в советский период представляющими музыкальные традиции народов Северного Кавказа.

Исчезновение традиционных песнопений из культурно-бытового уклада жизни адыгов, карачаевцев и балкарцев не стало началом процесса забвения бурдонной вокальной традиции. Парадоксальным убежищем и «охраной» изначальной музыкальной сущности песни выступило инструментально-танцевальное музицирование: «Чем дальше развивалась инструментальная музыка в условиях идеологического контроля и давления, тем больше она «поглощала» песенные пласты, переинтонируя их в инструментальные, используя рудименты вербального смысла для более целенаправленного усвоения всего текста» [6, 13]. Песня «маскируется» в инструментальных и танцевальных напевах; рефлексивует остиной ритмикой идиофонов и мембранофонов; явственно отзывается вокальным подголоском *жъыу* (*жу*) в инструментальной и танцевальной музыке западных адыгов; воспроизводит

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

этнослуховые приоритеты в конструкции иноэтнической гармонике введением фонических басов, обеспечивающих «связь с традицией сольно-бурдонного многоголосия» [6, 13].

Тем самым, современная традиция выявила вневременную устойчивость фольклорных форм мышления, сохранность элементов традиционной песни на генетически-подсознательном уровне. В этом плане, бурдонный стиль песнопений адыгов, карачаевцев, балкарцев и их песенный фольклор в целом оказались способны «переходить в пассивные ...состояния, впадать в своего рода анабиоз, выход из которого оказывается возможным только благодаря включению особых факторов». К числу таких возрождающих традицию факторов исследователи относят эффект «фольклорного резонанса» [1, 181]¹.

Интегрированность этнических вариантов вокальной полифонии в универсальную систему северокавказского многоголосия оказалась возможной в силу тех стереотипов, которые сложились на уровне его музыкальных бурдонных диалектов. В сравнении с языковым диалектом, «музыкальный диалект представляет собой совершенно иную материю», имеющую «такие глубинные основания, которые лишь отчасти определяются внешними (видимыми) характеристиками» [6, 10]. Стереотип архаичного «бурдонного образа» местной северокавказской культуры стал «залогом» возникновения интегративных процессов в музыкальной традиции адыгов, карачаевцев и балкарцев, способствовал формированию глубинной музыкально-языковой общности, давшей феномен северокавказской певческой модели².

¹ В аспекте проблемы фольклорного резонанса осмысляется феномен адыгского фольклорного ансамбля аутентичного пения и инструментальной музыки «*Жьыу*» (худ. рук. З. Гучев, г. Майкоп). Его деятельность можно назвать «первой ласточкой» в деле возрождения традиционной музыкальной культуры адыгов. Появление ансамбля подобного типа стало возможным в ситуации последовательного вхождения в целостную систему традиционной жизни на современном этапе, в ситуации обострённого «осознания себя» (М. Паштова) в этнической культуре адыгов.

² Данное понятие вводится впервые в отечественное музыкальное кавказоведение.

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

Обоснование единой модели северокавказского вокального многоголосия становится «точкой отсчёта» для осмысления путей формирования этнокультурных контактов и причин возникновения культурной целостности в северокавказском регионе. Её содержание вмещает общность исполнительских установок и гетерогенный «код» северокавказского многоголосия – обращённого к общим архаичным корням происхождения и вместившего, на морфологическом уровне, принципы музыкального мышления разных цивилизаций. Единая певческая модель обосновывает специфику северокавказской вокальной полифонии как многоголосной традиции, в которой «встретились» (Б. Путилов) и пересеклись родственные элементы разных этнических культур; как системы диффузного взаимодействия сходных (по своей изначально-архаической природе) и различных (восточноазиатских³ и европейских) элементов музыкального мышления. Древние бурдонные корни песенного многоголосия разных северокавказских народов обусловили изначальную типологическую близость вокальных традиций в северокавказском регионе, их сходство не по «формуле заимствования», а по «формуле единой архаичной природы». Общность архаического источника, природной и социокультурной среды обитания, специфика исторического становления и развития культурных традиций в северокавказском регионе создали благоприятные условия для встречного движения вокальных традиций восточноазиатских и европейских цивилизаций; способствовали образованию инвариантной структуры северокавказской певческой модели, получившей индивидуальное преломление в этнических и субэтнических версиях вокального многоголосия.

³ Термин «восточноазиатское» является суммарным, определяющим проникшие в северокавказское вокальное многоголосие элементы монофонических музыкальных культур ближневосточного и центральноазиатского регионов.

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

Общий бурдонный компонент песнопений обусловил доминантное положение этой традиции в музыкальной культуре разноязычных народов. Объединил исполнительскую форму песнопений разных жанров. Выступил фундаментом в сложении северокавказской певческой модели – гетерогенного культурного феномена, вместившего принципы музыкального мышления разноязычных народов. Выявил базовый принцип формирования родственных отношений вокального многоголосия разных северокавказских народов. Способствовал обоснованию фактурных стереотипов бурдонного многоголосия в онтологическом аспекте. Сформировал исследовательскую установку изучения северокавказской вокальной полифонии сквозь призму ранних фольклорных и академических форм интонирования. Стал проводником в обосновании северокавказской певческой модели как вневременного и внежанрового явления традиционной музыки народов данного региона.

В итоге, бурдон выступил решающим фактором в определении статуса и функций традиционной северокавказской вокальной полифонии как особого рода синкретической культуры, находящейся на пересечении архаической (общей) и этнической (индивидуальной) её составляющих.

Список литературы

1. *Алексеев Э.* Фольклор в контексте современной культуры. Рассуждения о судьбах народной песни. – М.: Советский композитор, 1988. – 237 с.
2. *Виноградов, В.* Классические традиции иранской музыки / В. Виноградов. – М.: Советский композитор, 1982. – 183 с.
3. *Евдокимова, Ю.* Учебник полифонии. Ч. I / Ю. Евдокимова. – М.: Музыка, 2000.– 158 с.

**Вишневская Л.А. К вопросу о статусе и функциях
бурдонной вокальной традиции
в северокавказской музыкальной культуре**

4. *Жордания И.М.* К проблеме происхождения гетерофонии в Восточной Европе (пер. с англ. А.Н. Соколовой) // «Вестник» Адыгейского государственного университета. Выпуск 4, 2009. – С. 229-236.
5. *Путилов, Б.Н.* Типология в фольклоре / Б.Н. Путилов // Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. – Минск, 1993. – С. 360-375.
6. *Соколова А.* Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. Майкоп: ООО Качество, 2004. – 272 с.